
**Советская военная помощь Испанской республике
в 1936–1939 гг.
в интерпретации англо-американских историков**

Михаил Новиков

**Anglo-American researchers about Soviet military assistance
to the Spanish Republic in 1936–1939**

Mikhail Novikov (K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Russia)

18 июля 1936 г. консервативно настроенные представители вооружённых сил подняли мятеж против законного демократического правительства Испанской республики, переросший в длительную и кровопролитную гражданскую войну. Конфликт между консерваторами и левыми радикалами получил общенациональный характер и привёл к созданию и столкновению массовых армий. Технологическая отсталость страны, слабость её военной промышленности, желание противоборствующих сил обладать более современным разрушительным оружием делали неизбежными обращения к передовым в военном отношении державам с просьбами о продаже самолётов, танков, артиллерийских орудий и т.д. Сторонники генерала Ф. Франко нашли понимание в Берлине и Риме. Под благовидным миротворческим предлогом Вашингтон, Лондон и Париж отказались продавать оружие расколотой надвое Испании, и тогда её правительство обратилось за поддержкой в Москву, где и нашло, хотя и не сразу, полное понимание. Война закончилась 1 апреля 1939 г. победой франкистов, принявших из рук Гитлера и Муссолини широкомасштабную военную помощь и использовавших некоторые элементы германского нацизма и итальянского фашизма.

По многочисленным свидетельствам очевидцев, советское руководство достаточно спокойно восприняло известие о военном мятеже в Испании, полагаясь на полученную по линии Коминтерна информацию о скором поражении путчистов. Не имея дипломатических отношений с Мадридом, СССР официально никак не отреагировал на это событие. Неизвестно, когда и как вожди ВКП(б) приняли решение о демонстрации солидарности с Испанской республикой и оказании ей гуманитарной помощи. Скорее всего, это произошло в конце июля – начале августа, так как первые митинги, на которых звучали соответствующие лозунги, состоялись 2 августа 1936 г. По массовости, искренности участников и готовности к самопожертвованию эта кампания не имела аналогов в отечественной истории. Советские люди из своих скромных зарплат внесли в фонд помощи Испанской республике около 1 млрд 300 млн франков (в 17 самых богатых капиталистических странах было собрано 800 млн франков), на которые закупились продовольствие, медикаменты, товары первой необходимости, направлявшиеся затем пароходами в средиземноморские порты. В СССР приняли на воспитание около 4 тыс. осиротевших в ходе гражданской войны детей, устраивали торжественные встречи испанских делегаций,

присваивали трудовым коллективам имена героев и руководителей борьбы с франкистами, поощряли переписку своих граждан с испанцами, участие журналистов, поэтов и прозаиков в конгрессе писателей в Испании в июле 1937 г., публикацию ими книг и статей о происходившем за Пиренеями и т.д. Предположительно в начале сентября 1936 г. советское руководство решило предоставить воюющей республике не только гуманитарную и дипломатическую поддержку, но и военную помощь. Её мотивы, способы оказания и эффективность до сих пор вызывают дискуссии в историографии.

Практически во всех странах Европы и Америки репортёры, публицисты и литераторы писали о гражданской войне в Испании. Вскоре к ним присоединились историки, усилиями которых создана колоссальная по объёму, многонациональная историография испанского конфликта. Доминирующее положение в ней до конца XX в. занимали англо-американские исследования и лишь после смерти Франко и демократической трансформации установленного им режима первенство постепенно перешло к испанцам.

Литература Великобритании, США и Канады о событиях 1936—1939 гг. имеет некоторые особенности, но опирается на общую методологическую и идеологическую основу; в ней развиваются схожие концепции, а их авторы зачастую тесно связаны друг с другом (в том числе и организационно). Можно условно выделить два этапа её становления — 1936—1950-е гг. и с 1960-х гг. до настоящего времени. В первые десятилетия преобладали работы участников и очевидцев гражданской войны, а также журналистов и писателей. Открыто отстаивая свои прореспубликанские или профранкистские позиции, они заложили основы ультралево-марксистской, демократической и консервативной традиций в освещении политической истории Испании 1930-х гг.

В изданных в 1930—1950-х гг. работах марксистов, как правило — членов британской и американской компартий, последовательно оправдывалась политика СССР и жёстко критиковались действия Германии и Италии, а также «невмешательство» Великобритании и Франции и нейтралитет США¹. Эти оценки были близки и приверженцам демократических взглядов². В монографии американского профессора Д. Кеттелла, изданной в самый разгар холодной войны, действия советских и испанских коммунистов оправдывались их стремлением во что бы то ни стало выиграть войну, ставшую частью борьбы с международным фашизмом. Ради этого, отмечал историк, они были готовы пожертвовать всем, включая свои узкополитические интересы. Военную помощь Испанской республике Кеттелл связывал прежде всего с интересами антифашистской внешней политики СССР, требовавшими поддержки Мадрида³. Консерваторы, писавшие о гражданской войне 1936—1939 гг., открыто или завуалированно симпатизировали франкистам и считали военный мятеж превентивной мерой для предотвращения якобы готовившегося коммунистического переворота и большевизации страны⁴. К. Хейс

¹См.: *Путкери Ф.* Испания. Заметки журналиста. М., 1937; *Nelson S.* The Volunteers. N.Y., 1953; *Rust W.* Britons in Spain. L., 1939; *Jellinek F.* The Civil War in Spain. L., 1938.

²См.: *Cox G.* Defence of Madrid. L., 1937; *Buckley H.* Life and Death of the Spanish Republic. L., 1940; *From Spanish trenches* / Ed. by M. Acier. N.Y., 1937; *Zilliacus K.* Britain, USSR and World Peace. L., 1946; *Mackintosh J.* The Paths that Led to War. Europe 1919—1939. L., 1940; *Armstrong G.* Why Another World War? How We Missed Collective Security. L., 1941; *Gannes H., Repard T.* Spain in Revolt. L., 1936.

³*Catell D.T.* Communism and the Spanish Civil War. Berkeley (California), 1956.

⁴*McCullagh F.* In Franco's Spain. L., 1937; *Churchill W.* Gathering Storm. L., 1948; *Loveday A.* World War in Spain. L., 1939; *Loveday A.* Spain. 1923—1948. L., 1948; *Hays C.* The United States and Spain. An Interpretation. Westport (Connecticut), 1970; *Hays C.* Wartime Mission to Spain. 1942—1945. N.Y., 1945.

утверждал даже, что коммунисты будто бы надеялись, захватив власть в Испании, вызвать революции в Италии, Португалии, Франции и Латинской Америке⁵.

С конца 1950-х — начала 1960-х гг. появляется большое количество новых трудов, написанных, как правило, профессорами британских и американских университетов на основе материалов, извлечённых из архивов Великобритании, Германии, Испании, Италии, Франции и США, данных периодической печати и мемуарных свидетельств. По понятным причинам до 1990-х гг. в них слабо использовались источники из СССР, за исключением «Испанского дневника» М. Кольцова и «Испанских тетрадей» И.М. Майского. Но в последние два десятилетия ситуация кардинально изменилась: английские и американские исследователи активно работают в российских архивах, изучают публикации советских газет и журналов, воспоминания участников войны, выполнявших задания Москвы, знакомятся с работами отечественных историков, что способствует выработке более объективной интерпретации роли СССР в испанском конфликте. Политизированная ультралевая, марксистская и консервативная литература постепенно вытесняется разработками профессиональных историков, обычно придерживающихся демократических ценностей⁶. Специалисты из разных стран всё чаще объединяют усилия при организации научных конференций, рецензировании монографий и издании сборников статей.

Особый интерес при этом вызывают мотивы, определявшие политику наиболее влиятельных государств. Логика решений, принятых Гитлером и Муссолини, а также правящими кругами Великобритании, США и Франции, в достаточной степени изучены, чему немало способствовала доступность соответствующих источников. Гораздо труднее выявить намерения советского правительства, поскольку необходимые для этого официальные документы (если таковые вообще имеются) пока не рассекречены, а мемуары практически отсутствуют.

Между тем, как справедливо отмечает профессор университета штата Висконсин С. Пейн, советская историография признавала «только самые высокие мотивы вмешательства сталинского режима в испанский конфликт: защиту испанского народа и борьбу с фашистской агрессией. Напротив, обширная историография франкистской Испании приписывала советской политике самые зловещие намерения, главной её целью, якобы, было установление в Испании тиранического марионеточного коммунистического режима». По мнению Пейна, «западный научный анализ находится между двумя этими течениями, однако консенсус так и не найден»⁷.

С известной долей условности можно выделить четыре основные версии, сложившиеся в историографии за 80 лет. В СССР помощь Мадриду официально объяснялась интернациональным долгом советских рабочих и крестьян перед рабочим классом и крестьянством Испании, вступившими в вооружённую борьбу с международным фашизмом. Среди франкистов и консерваторов на

⁵*Hays C.* The United States and Spain... P. 103–118.

⁶См.: *Spain in Conflict, 1931–1939. Democracy and its Enemies* / Ed. by M. Blikhorn. L., 1986; *Revolution and War in Spain. 1931–1939* / Ed. by P. Preston. L.; N.Y., 1984; *The French and Spanish Popular Fronts: Comparative Perspectives* / Ed. by M.S. Alexander, H. Graham. Cambridge, 1989; *Alpert M.A.* New International History of the Spanish Civil War. L., 1994; *Buchanan T.* The Spanish Civil War and the British Labour Movement. Cambridge, 1991; *Preston P.* The Coming of the Spanish Civil War: Reform, Reaction and Revolution in the Second Republic 1931–1939. L., 1971; *Preston P.* The Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1986; *Preston P.* The Spanish Holocaust. L.; N.Y., 2012.

⁷*Payne S.* The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism. New Haven; L., 2004. P. 127–128.

Западе, особенно в годы холодной войны, было широко распространено представление о том, что Советский Союз, поддерживая республику, стремился к «мировой революции» и установлению коммунистического режима на Пиренейском полуострове. Странники демократических убеждений, видя в Советском Союзе наиболее последовательного лидера всех антифашистских сил мира, полагают, что Москва не могла не прийти на помощь испанцам, сражающимся с международным фашизмом. В противном случае она рисковала утратить авторитет среди антифашистов и растерять сторонников в разных странах мира, а этого нельзя было допустить.

Вместе с тем значительная часть исследователей отвергает и «интернационалистическую», и «консервативную», и «антифашистскую» версии, указывая на прагматические соображения кремлёвских вождей, перед лицом фашистской угрозы желавших через оказание помощи Испанской республике установить более тесное сотрудничество с Францией, а по возможности и с Великобританией. Пейн считает общепризнанным то, что «вмешательство Советского Союза было обусловлено намерением применения на практике провозглашённой Советским Союзом стратегии коллективной безопасности, официальной политики Советского Союза с зимы 1935 г. до зимы 1939 г.». При этом Пейн цитирует итальянского историка Дж. Боффа, по мнению которого «испанский вопрос стал для советской дипломатии той почвой, на которой Москва надеялась возложить на Британию и Францию прямые обязательства по борьбе с фашистской агрессией и, следовательно, получить солидные гарантии безопасности». Как констатирует историк, «различные варианты этой версии часто встречаются в литературе»⁸. Со своей стороны, Пейн сомневается в обоснованности этого мнения и пишет, что Сталин, наверняка, был бы очень рад вступлению Британии и Франции в конфликт на стороне республики, однако к концу сентября уже не рассчитывал на отказ их правительств от политики невмешательства. «Как покажет будущее, — напоминает Пейн, — советская дипломатия сделает всё возможное для отмены политики невмешательства Британии и Франции, даже ценой конфронтации с западными державами». В этих условиях, утверждает исследователь, главной целью СССР являлось именно противостояние фашистской агрессии⁹.

Современные российские историки, как правило, указывают на прагматические задачи, стоявшие перед дипломатией СССР в 1936–1939 гг. В отечественной историографии их впервые раскрыл мой научный наставник М.Т. Мещеряков. В статье, опубликованной уже после его безвременной кончины, отметив, что основные направления внутренней и внешней политики СССР определялись тогда непосредственно Сталиным, получавшим обширнейшую информацию из различных источников, Марклен Тихонович писал: «Испанский конфликт, по крайней мере в начальный его период, рассматривался им как событие, позволяющее найти точки соприкосновения с западными демократиями в деле реализации идеи коллективной безопасности в Европе. Он не мог не учитывать военно-политических последствий утверждения в Испании режима фашистского типа, ориентированного на Германию и Италию. Победа мятежников в Испании могла радикально изменить расстановку сил не только в Европе, но и во всём мире. Под угрозу ставилась создаваемая Советским Союзом совместно с Францией и Чехословакией система

⁸Ibid. P. 128.

⁹Ibid.

коллективной безопасности, задуманная как барьер на пути гитлеровской агрессии. Если бы Испания оказалась под пятой фашизма, то в тылу советского союзника — Франции появилось бы враждебное ему государство и уже не Германии, а Франции грозила война на два фронта со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Не исключалось также, что в случае победы фашизма в Испании определённая часть правящих кругов Англии и Франции, известных своими симпатиями к фашизму, используют испанский конфликт для достижения с Берлином и Римом таких соглашений, в результате которых Советский Союз может оказаться перед лицом мощной коалиции враждебных ему государств. Победа же антифашистских сил Испании, напротив, создавала возможность расширить рамки коллективной безопасности, убедить колеблющиеся страны в целесообразности сотрудничества в борьбе с гитлеровской агрессией, нейтрализовать сторонников “умиротворения” фашизма... Таким образом, долговременные стратегические интересы понуждали Советский Союз к активному участию в испанской войне»¹⁰.

Такие соображения действительно не могли не учитываться при выработке внешнеполитического курса. Однако в высшем руководстве ВКП(б) были и сторонники немедленной большевизации Испании, искренние и последовательные интернационалисты и антифашисты, имевшие свои мотивы оказания помощи республике. Впрочем, едва ли их мнение, даже если оно в той или иной форме доводилось до Сталина, могло иметь решающее значение.

Не менее важно понять, почему СССР в течение двух с половиной лет оказывал военную помощь Испанской республике. Среди писавших об этом англо-американских историков особенно следует выделить Бернетта Боллотена и Стэнли Пейна. Во время гражданской войны Боллотен работал корреспондентом одной из американских газет в Испании и проявил себя последовательным демократом. Собирая материалы для будущей книги, он проанализировал множество документов и через 22 года издал фундаментальную работу «Грандиозный камуфляж. Тайная деятельность коммунистов в период испанской гражданской войны». Она стала главным делом жизни Боллотена и впоследствии дважды переиздавалась в переработанном и дополненном виде¹¹. В целом правдиво освещая участие СССР, Коминтерна и испанских коммунистов в борьбе с франкистами, Боллотен опирался в том числе на свидетельства отдельных представителей коммунистического движения, мечтавших о победе в стране социалистической революции и развивавших общетеоретические представления о революции. На основании их делался вывод о том, что противодействие фашизму служило Советскому Союзу и Коминтерну лишь «камуфляжем», скрывавшим стремление к установлению в Испании коммунистического режима¹². Не случайно в 1967 г. эта книга с одобрения франкистской цензуры была издана в Барселоне.

¹⁰ Мещеряков М.Т. СССР и гражданская война в Испании // Отечественная история. 1992. № 4. С. 87.

¹¹ *Bolloten B. The Spanish Civil War: Revolution and Counterrevolution. Chapel Hill (California); L., 1991; Bolloten B. The Spanish Revolution: The Left and the Struggle for Power during the Civil War. Chapel Hill (California), 1979.* Последнее издание Пейн характеризовал как «исследование истории испанской революции и республиканской зоны во всех подробностях от начала до конца». Между тем, будучи ещё молодым историком, в рецензии на издание 1961 г. Пейн писал, что работа Боллотена его «разочаровала» (*Payne S. Recent Studies on the Spanish Civil War // The journal of modern history. Vol. 34. 1962. № 3. P. 314.*)

¹² *Bolloten B. The Grand Camouflage. The Communist Conspiracy in the Spanish Civil War. L., 1961.*

В 2004 г. Йельский университет США выпустил посвящённую памяти Болотена книгу Пейна «Испанская гражданская война, Советский Союз и Коминтерн». В ней вновь, уже в условиях XXI в., помощь СССР и Коминтерна Испанской республике изображается как шаг, направленный на установление в стране коммунистического режима. Пейн изучил широкий круг источников, включая изданные в СССР и в современной России сборники документов, произведения вождей мирового коммунистического движения (И. Сталина, Г. Димитрова, П. Тольятти, Д. Мануильского, Х. Диаса, Д. Ибаррури и др.), воспоминания, дневники и эссе очевидцев гражданской войны (в том числе М. Кольцова, И. Эренбурга, Н.Г. Кузнецова, С.А. Ваупшасова), труды советских и российских исследователей с 1930-х гг. до наших дней. Этим книга Пейна выгодно отличается от многих публикаций западных историков, однако и он по сложившейся в англо-американской историографии традиции постоянно обращается к давно уже признанной недостоверной работе В. Кривицкого «На секретной службе у Сталина» и сомнительным рассказам других перебежчиков (А. Орлова, А. Амба, О. Сарина и Л. Дворжецкого и др.).

Пейн подробно анализирует неудачные попытки приблизить мировую коммунистическую революцию, неоднократно предпринимавшиеся советским руководством с 1920-х гг., в том числе и случаи оказания военной помощи различным революционным движениям в соседних с СССР государствах. Вместе с тем он рассматривает изменение тактики коммунистов после состоявшегося в 1935 г. VII конгресса Коминтерна, призвавшего к созданию антифашистского «народного фронта» — широкой коалиции демократических партий и движений, которая могла бы легальным путём добиться власти и сформировать своё правительство без участия коммунистов, но при их полной поддержке. Это называлось «демократией нового типа», более «передовой» по сравнению с «буржуазной». Однако, как отмечает Пейн, «пролетарская революция оставалась главным пунктом повестки дня». Подтверждением этого он считает выступление Г. Димитрова, заявившего: «Мы должны честно сказать массам: народный фронт не может принести окончательного освобождения... Необходимо готовиться к социалистической революции. Советская власть и только советская власть может принести окончательное освобождение»¹³. Тем самым, утверждает Пейн, даже если коммунисты искренне боролись за демократию в Испании в 1936–1939 гг., всё равно после возможной победы они захотели бы установить собственный режим и образовать ещё одну советскую республику. И хотя, по словам Пейна, «общепризнанно, что к середине 1930-х годов Сталин полностью потерял интерес к Коминтерну и отказался от идеи разжигания мировой революции», революционная перспектива «оставалась частью фундаментальной советской имперско-революционной парадигмы»¹⁴.

Пейн убеждён, что на решения руководства ВКП(б) об оказании военной помощи республиканцам заметно влияли действия правительства Л. Кабальеро, приступившего к созданию регулярной Народной армии, для которой и предназначалось советское оружие, а также гарантия оплаты расходов СССР. Историк не склонен видеть случайное совпадение в том, что 13 сентября министр финансов Х. Негрин получил от президента М. Асанья карт-бланш

¹³Payne S. The Spanish Civil War... P. 63.

¹⁴Ibid. P. 128.

на перебазирование золотого запаса Испании из Мадрида в порт Картахена, а 14 сентября в Москве началось рассмотрение плана поставок вооружения¹⁵.

Значение советской военной помощи Испанской республике англо-американские исследователи оценивают по-разному. Авторы консервативных взглядов, игнорируя общеизвестные цифры, склонны преувеличивать её размеры и роль, одновременно преуменьшая масштаб поддержки франкистов Германией и Италией. Ультралевые, напротив, фактически обвиняют СССР в предательстве и объясняют поражение республики тем, что ей было предоставлено слишком мало оружия, которое к тому же являлось устаревшим¹⁶. Демократически настроенные историки, как правило, позитивно оценивают оказанную Мадриду помощь и признают, что в условиях 1930-х гг., с учётом состояния советской военной промышленности, потребностей Красной армии, сложной международной обстановки (содействие Китаю и Монголии в отражении японской агрессии, чехословацкий кризис 1938 г.), Москва сделала для победы испанских республиканцев всё, что могла¹⁷.

Из-за отсутствия прямых документальных данных до сих пор можно лишь высказывать предположения о причинах существенного уменьшения объёма военных грузов, прибывавших из СССР после 1 августа 1937 г. В советской историографии оно долгие годы связывалось с морской блокадой средиземноморского побережья республики, организованной итальянскими подводными лодками весной и летом 1937 г. Однако, как указывают российские исследователи, оставался другой маршрут – морем из Ленинграда и Мурманска во французские порты и далее через открытую ещё в тот период франко-испанскую границу. Видимо, сказывались и обострение ситуации на Дальнем Востоке, и исчерпание перевезённого в Москву золотого запаса Испании, и изменение настроения Сталина, утратившего интерес к событиям на Пиренейском полуострове¹⁸. Эти версии встречаются и в работах зарубежных авторов. Более того, известный британский историк Х. Томас усматривает много общего в германской и советской политике, полагая, что Сталин, как и Гитлер, старались не допускать поражения близких им сил, но и не давали тем одержать быструю победу, поскольку это потребовало бы такого вмешательства, которое могло привести к прямому столкновению европейских держав. По мнению Томаса, то или иное быстрое завершение гражданской войны поставило бы перед СССР и Германией немало трудных вопросов, и они были заинтересованы в её максимальном затягивании, испытывая на испанских фронтах боевую технику и повышая квалификацию своих военных специалистов¹⁹.

И в консервативной, и в демократической литературе остро критикуется деятельность советских спецслужб в Испании. При этом главным источником сведений англо-американских историков начиная с 1940-х гг. остаются мемуары офицеров, опасавшихся расстрела в СССР и в разное время бежавших на

¹⁵Ibid. P. 140–141.

¹⁶Bolin L. Spain: The Vital Years. L., 1962. P. 215; Mitchell D. The Spanish Civil War. L.; N.Y., 1982. P. 70.

¹⁷См.: Cattell D.T. Op. cit.; Landis A. The Abraham Lincoln Brigade. N.Y., 1967.

¹⁸Рыбалкин Ю.Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 45–46.

¹⁹Томас Х. Гражданская война в Испании 1931–1939 гг. М., 2003. С. 458. См. также: Payne S. The Spanish Revolution. N.Y., 1970. P. 274; Mitchell D. Op. cit. P. 272.

Запад (В. Кривицкий, А. Орлов, А. Амба и др.)²⁰. В своё время их появление носило сенсационный характер, так как, казалось, приоткрывало устройство зловещего механизма, созданного Сталиным для уничтожения своих политических оппонентов. Однако со временем в этих публикациях было обнаружено множество измышлений. Так, по мнению Томаса, газетные статьи в «The Saturday Evening Post», подписанные Кривицким и позднее изданные отдельной книгой, частично были написаны опытным американским советологом, помогавшим перебежчику составлять отчёты для ФБР²¹. Б. Володарский решительно утверждает, что в книгах А. Орлова, бывшего руководителя резидентуры НКВД в Испании, абсолютно всё выдуманно²².

Пейн, освещая деятельность НКВД в Испании, практически не использует сочинения Кривицкого, Орлова и Амба. Исследователь приводит данные не только об организации Орловым агентурной сети в республиканской зоне, но и о создании там сети специальных тюрем, которые находились в его прямом подчинении и были выведены из-под юрисдикции испанского правительства. Они предназначались для иностранцев, бойцов интернациональных бригад, которых надо было либо перевоспитывать в советском духе, либо ликвидировать, а также для испанцев — противников республики. Согласно документам, опубликованным в 1968 г. в Нью-Йорке В. Митрохиным, у Орлова имелся даже специальный крематорий, позволявший избавляться от тел узников (заведовал им офицер НКВД Ваупшасов)²³.

Орлов также руководил партизанским движением и образовал шесть учебных центров для подготовки диверсантов. Как пишет Пейн, «некоторые из советских лейтенантов, таких как Ваупшасов, лично руководили иногда диверсионными операциями», но «Орлов преувеличивал масштабы и значение их деятельности в своих отчётах в Москву»²⁴. Гораздо важнее была разведывательная сеть, которую «Орлов быстро создал в республиканской зоне»²⁵, пользуясь хорошими отношениями с министром иностранных дел Альваресом дель Вайо, предоставившим ему доступ к зашифрованной переписке МИД республики. В дальнейшем Орлову якобы удалось развернуть свою разведывательную сеть на территории Франции и Марокко. Его агенты будто бы даже собирали для использования в шпионских целях паспорта убитых, а иногда и живых бойцов интербригад (особенно американцев)²⁶.

И всё же главной целью Орлова, признаёт Пейн, была франкистская зона, где он якобы устроил «внушительную агентурную сеть, используя и гражданских, и военных информаторов, а иногда и иностранных журналистов, таких как Ким Филби, который ранее был завербован в Кембридже под его руководством»²⁷. По мнению Пейна, это был самый большой успех Орлова, впоследствии якобы хваставшегося, что у него была возможность информировать

²⁰См.: *Amba A. I Was Stalin's Bodyguard*. L., 1952; *Krivitsky W. In Stalin's Secret Service*. N.Y., 1939, 2000; *Sarin O., Dvoretzky L. Alien Wars: The Soviet Union's Aggressions against the World, 1919–1989*. Novato (California), 1996; *Orlov A. The Secret History of Stalin's Crimes*. N.Y., 1953.

²¹*Томас Х.* Указ. соч. С. 246. См. также: *Конквист П.* Большой террор // Нева. 1990. № 2. С. 167.

²²Подробнее см.: *Volodarsky B. El Caso Orlov. Los servicios secretos Soviéticos en la Guerra Civil de España*. Barcelona, 2013.

²³*Payne S. The Spanish Civil War...* P. 205.

²⁴*Ibid.*

²⁵*Ibid.*

²⁶*Ibid.*

²⁷*Ibid.* P. 206.

республиканцев обо всех оперативных планах франкистов. «Это, — отмечает историк, — помогает отчасти объяснить природу превентивных наступательных операций Народной армии от Брунете до Эбро»²⁸.

Вместе с тем доклады Орлова, советников Коминтерна и советских военных специалистов в Москву были буквально усеяны жалобами на бесчисленных предателей, саботажников и франкистских агентов. Пейн объясняет это и «параноидальным советским стилем», и действительным положением вещей: «В многопартийной, полуплюралистической атмосфере республиканской зоны было невозможно полностью искоренить вражескую шпионскую деятельность и даже более плотно контролируемая зона националистов не смогла быть более успешной в этом вопросе»²⁹.

Практически все англо-американские исследователи упоминают о разгроме советскими агентами малочисленной левозэкстремистской политической партии марксистского толка (ПОУМ), видя в этом подтверждение безграничных возможностей НКВД в Испании. В действительности же имело место элементарное сведение счётов с организацией, которая в меру сил активно боролась с международным фашизмом, входила в Народный фронт и занимала независимую позицию в коммунистическом движении, поддерживая контакты со сторонниками Л.Д. Троцкого и открыто критикуя сталинский режим. Её ликвидация не представляла слишком сложной задачи для сотрудников НКВД, использовавших методы провокаций и физического уничтожения своих оппонентов. Резидентура НКВД сфабриковала документы о якобы существовавших связях ПОУМ с франкистами, на основании которых испанские власти объявили партию вне закона и арестовали её руководителей. По приказу Орлова лидера ПОУМ А. Нина пытали четыре дня, заставляя признаться в шпионаже. Поскольку тот выдержал все пытки и не подписал заранее заготовленный текст признания, необходимого суду для вынесения смертного приговора, было принято решение тайно его уничтожить. Как отмечает Володарский, в убийстве Нина непосредственно участвовали А. Орлов, И. Григулевич, Э. Таке, Л. Лакаса и водитель В. Нежинский; стрелял, скорее всего, Григулевич³⁰.

Большое внимание в англо-американской историографии уделяется деятельности в Испании советских военных специалистов, среди которых было 584 советника, 772 лётчика, 354 танкиста, 100 артиллеристов, 166 связистов, 140 инженеров и техников, а также небольшие группы сапёров и политработников. Перед отъездом из СССР все они получали строгое указание исполнять именно функции консультантов и ни в коем случае не принимать на себя командование испанцами, что, в целом, неукоснительно выполнялось. Тем не менее в консервативной литературе им приписывается чуть ли не руководство всеми операциями Народной армии республики и сильное влияние на генералитет³¹. Другие авторы, наоборот, заявляют о «чрезмерной осторожности» советских специалистов и называют их «генералами тыла», забывая, что лётчики, танкисты и артиллеристы непосредственно участвовали в боевых действиях (200 человек из них погибли) и заслужили уважение своих испанских товарищей.

²⁸Ibid.

²⁹Ibid. P. 206–207.

³⁰См.: *Volodarsky B.* Op. cit.

³¹*Bolin L.* Op. cit. P. 214; *Rosenstone R.* *Crusade of the Left. The Lincoln Battalion in the Spanish Civil War.* N.Y., 1969. P. 156.

Иногда зарубежные исследователи пишут о слабой профессиональной подготовке советских инструкторов, что отчасти отражало реальное положение дел. Начиная с конца 1937 г. на смену кадровым военнослужащим, имевшим богатый боевой опыт и внесшим серьёзный вклад в создание Народной армии, в Испанию стали прибывать командиры среднего и младшего звена (что в значительной мере являлось следствием репрессий 1937–1938 гг.). В результате советниками испанских полковников и генералов становились необстрелянные советские капитаны и лейтенанты, вряд ли способные помочь в планировании и проведении крупных операций³².

Немало написано английскими и американскими исследователями и об иностранных добровольцах, участвовавших в гражданской войне на стороне республики. Всего из 54 стран в Испанию прибыло около 50 тыс. человек, включая 5 тыс. граждан США и подданных Великобритании (примерно половина из них состояла в рядах коммунистических партий, остальные являлись членами других левых партий или просто активными антифашистами). Именно выжившим в кровопролитных сражениях англичанам и американцам принадлежит едва ли не половина всех изданных в мире мемуаров добровольцев 1930-х гг. Видимо, не случайно впоследствии их соотечественники чаще других обращались к изучению данной темы. При этом их позиция во многом зависела от отношения к коммунистам и СССР, а также от того, насколько им удавалось примириться с тем фактом, что именно тоталитарный Советский Союз и Коминтерн оказали самую значительную помощь республиканцам в борьбе против международного фашизма, в то время как правительства «великих демократий», исходя из корыстных расчётов, сделали всё для удушения испанской революции.

Наиболее подробно участие американских добровольцев в войне 1936–1939 гг. изложено ветераном англоязычной интернациональной бригады им. Авраама Линкольна, антифашистом и демократом Артуром Лендисом. Он напоминал, что идея создания интернациональных воинских подразделений для поддержки республиканского режима появилась не в Москве, а в западных странах, где сложилось представление о гражданской войне в Испании как о «крестовом походе» против фашизма. Однако на обращения Мадрида, просившего продать оружие для борьбы с мятежниками, откликнулись только большевики. «Никто не может отрицать тот факт, — констатировал Лендис, — что в самый чёрный для Испании час у них хватило благородства и мужества прийти на помощь испанскому народу. Этим в значительной степени объясняется, почему многие добровольцы вступили в Испании в коммунистические партии или признали за коммунистами право на руководство движением интернациональных бригад»³³. Вместе с тем значительная часть историков и мемуаристов настаивает на «использовании» Советским Союзом и Коминтерном искреннего антифашистского энтузиазма беспартийных и не имевших собственной организации добровольцев для укрепления внешнеполитического положения Кремля и усиления позиций испанских коммунистов³⁴.

С большим интересом в англо-американской историографии рассматриваются мотивы вступления людей разных национальностей и социальных слоёв в интернациональные бригады. Практически все их ветераны, независимо от

³² Мещеряков М. Т. СССР и гражданская война в Испании. С. 90.

³³ Landis A. Op. cit. P. XIV–XVI.

³⁴ Eby C. Between the Bullet and the Lie. American Volunteers in the Spanish Civil war. N.Y.; Chicago; San Francisco, 1969. P. 310–318.

партийной принадлежности, писали в воспоминаниях, что участвовали в войне, дабы силой преградить дорогу фашизму, защитить демократию и предотвратить глобальную катастрофу. Впрочем, историки, не ставя под сомнение эти намерения, отмечают, что многие вступавшие в интербригады являлись безработными, имели военную подготовку и были хорошими солдатами. Иные же «поехали воевать в Испанию с целью решения своих личных проблем»³⁵. Значительное место в мемуарной и исследовательской литературе занимают описания и анализ различных случаев нарушения добровольцами воинской дисциплины и совершения ими преступлений, особенно на межнациональной почве. Большинство авторов при этом не скрывает сомнений в возможности реализации на практике принципа пролетарского интернационализма. Национальные предрассудки и бытовые предпочтения, соперничество и эгоизм, которые не были чужды и коммунистам, вызывали порою в интербригадах открытые столкновения с применением оружия³⁶. Не менее ярко проявлялась в их среде и «шпиономания». Историки часто упрекают коммунистов в «излишней подозрительности», преувеличивая и возможности, и последствия деятельности резидентуры НКВД. А французский коммунист А. Марти, один из руководителей интербригад, изображается даже в виде «мясника», безжалостно уничтожавшего добровольцев без суда и следствия на основании непроверенных подозрений³⁷.

Рассуждения об «использовании» энтузиазма добровольцев доводят некоторых авторов до кощунственных предположений о том, будто бы в СССР заранее планировали высокие потери убитыми и ранеными среди интернационалистов, многие из которых не разделяли программу Коминтерна и принадлежали к другим политическим партиям и организациям³⁸. Трагичной оказалась и послевоенная судьба оставшихся в живых (их насчитывалось около 12 тысяч). В условиях нарастания консервативных настроений и даже фашизации некоторых европейских государств в конце 1930-х гг. многим участникам боёв нельзя было возвращаться на родину, и они рассчитывали на то, что их примет СССР. Однако их мечтам не суждено было сбыться: хотя Коминтерн гарантировал тщательную фильтрацию, советское руководство разрешило въезд лишь немногим бойцам, а остальных, как справедливо пишут зарубежные исследователи, «бросило на произвол судьбы»³⁹. После окончания войны уцелевшие бойцы интербригад оказались отверженными в своих странах и не нужными в Советском Союзе.

За прошедшие 80 лет англо-американская историография гражданской войны в Испании эволюционировала в сторону всё более профессионального, объективного и неполитизированного освещения событий 1936–1939 гг., в том числе и помощи, оказанной Советским Союзом республике. Активное использование новых источников и научных работ позволило значительно сблизить позиции учёных и их интерпретации мотивов вмешательства СССР в испанский конфликт, деятельности советских военных специалистов и спецслужб на Пиренейском полуострове и т.д. С уходом из жизни обиженных на Советский Союз ветеранов интернациональных бригад меняется и резко критическая тональность посвящённых им работ. Впрочем, сохраняется, несколько трансформируясь, и традиционное недоверие к советской внешней политике.

³⁵Ibid. P. 4–5; Mitchell D. Op. cit. P. IX.

³⁶Мещеряков М.Т. Судьба интербригад по новым документам // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 28.

³⁷Eby C. Op. cit. P. 168; Gurney J. Crusade in Spain. L., 1974. P. 146.

³⁸Eby C. Op. cit. P. 168.

³⁹Ibid. P. 318–319; Gurney J. Op. cit. P. 188.